

The background of the cover is a soft-focus photograph of a green plant with a pair of black-rimmed glasses resting on its leaves. The glasses are positioned in the lower right quadrant, with the lenses partially obscured by the foliage. The overall color palette is dominated by various shades of green, from light lime to deep forest green, with a bright, hazy light source in the upper left corner.

ЗОНА

ДЛЯ САМЫХ

МАЛЕНЬКИХ

ОЛЕГ КИНЧИН

Олег Кинчин
Сталкер. Зона для
самых маленьких

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56276920

SelfPub; 2025

Аннотация

Белорусский город. Близость зоны накладывает отпечаток на всех его жителей. Трое старых друзей, после продолжительного перерыва, вынуждены вновь попробовать свои силы в сталкерском ремесле. Но правил своих зона не меняет.

Содержание

1	4
2	16
3	21
4	29
5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Олег Кинчин

Сталкер. Зона для самых маленьких

1

Апрель – коварный месяц. Я стою на остановке, прячась от мокрого снега. Еще утром, по улицам гулял весенний, пыльный ветер, а сейчас, проезжающий автомобиль обдает меня бурой кашей. Хорошего тебе дня, добрый человек! Тот, кого я жду, не придет. Он опаздывает на тридцать минут, а его телефон выключен. Проверяю на сайте его объявление о продаже гаража, в котором я делал ремонт, уже зная, что там увижу. Продано. Меня кинули. Пальцы нащупывают сигарету, призванную обуздать гнев и волнение. Закуриваю. Большая капля, сорвавшаяся с козырька, добивает этот день.

Ночью, я чувствую, как жена кладет руку на мое плечо. Мы живем вместе так долго, что это прикосновение говорит за нее все, что мне нужно слышать.

Утро разительно отличается от вчерашнего дня. Яркое солнце врывается в маленькую, но уютную комнату. Галя еще спит. Ее волосы струятся по васильковому одеялу. Я

тихо встаю с кровати, и, прикрыв дверь, иду на кухню. Пока чайник будет греться, я успею вымыть голову и умыться холодной водой. Говорят, помогает от морщин. Кофе. Бессмысленный взгляд лениво скользит по точно такому же дому напротив. За балконной дверью уже шумит улица. Люди отсюда не кажутся муравьями. Не то, что в современных пентхаусах, голубоватый блеск которых, я вижу в утренней дымке. Тут не получится эффектно сброситься вниз, обдолбавшись наркотой, на одной из многочисленных вечеринок. У вас попросту нет времени на вечеринки и средств на наркоту. Мой плевок встречается с асфальтом. Мозырь... Семь километров до периметра. Иногда, утренний ветер приносит запах дохлятины с оборонительной линии.

Мы можем быть следующими. Десять лет назад, зона резко бросилась на север, поглотив Ельск и Хойники. Страшная катастрофа. Тысячи погибших и два оставленных города с десятками сел.

Кто побогаче, давно уехали. Кто-то решил остаться. Кто-то пытается продать квартиру. Моя двушка, не продается даже за пятнадцать тысяч белорусских рублей. Дешево? Так ведь зона рядом. Но хуже всего то, что градообразующее предприятие решило перенести свои мощности в другой город, подальше отсюда. Сегодня мне предстоит разбирать конвейерную линию, кормилицу, на которой я отработал семь с половиной лет.

Два яйца и сосиска – то, что я предъявляю службе соб-

ственной безопасности на проходной. А еще макароны в пластиковом контейнере. Примерно тоже, скоро покажут мне, когда последний контейнер с оборудованием предприятия встанет на железнодорожную платформу. Только без макарон. Тогда все, концерт окончен. Еще шесть тысяч человек станут жертвами зоны, даже не приближаясь к колючке.

Если посмотреть снимки со спутника за последние двадцать лет, то можно увидеть очертания хищной бактерии, которая постоянно меняет форму и шарит своими щупальцами в поисках того, чего современная наука так и не смогла объяснить. Близость зоны накладывает отпечаток на все вокруг. Кому-то приходится добираться до работы в объезд закрытых населенных пунктов. Кто-то потерял бизнес. Безработица процветает. Уровень преступности вырос, а население все чаще начинает искать отдушину в бутылке. Иногда, мы слышим сирены со стороны заградительного рубежа. Они часто бывают вестником артподготовки или звуков далекой бомбежки.

Но есть и те, кто неплохо греется на таком положении вещей. Возможно поэтому новостные агрегаторы без усталости освещавшие ситуацию вокруг выросшей зоны, внезапно отвернули свой пристальный взгляд. Государственные исследовательские программы, это конечно хорошо, можно найти себе грант, или получить дорогостоящее оборудование, но время безвозмездных субсидий давно прошло. Все что

можно, давно доставлено и изучено в бесконечных НИИ и прочих НИОКРах военного сектора. Куда интереснее и слаще выглядят прилавки черного рынка, экстремальный туризм, охота на людей и откровенный грабеж бесчисленных съемочных групп, экспедиций, стримеров и простых бродяг. Деклассированные элементы общества, перешли с больших дорог к промыслу на четко выверенных проводниками, узких тропках, отклонение с которых, почти во всех случаях, гарантирует фатальный исход и еще одну яркую ленточку на ветке.

Я подумал об этом, увидев чье-то, сорванное ветром белье, на дереве под балконом. Привычная дорога домой, вдоль обшарпанных пятиэтажек, скрасилась набухающими почками сирени и мелкими зелеными листочками на разросшемся клене. Снег во дворах сошел, и остались только грязные кучи между гаражами, но земля, местами еще чернела слякотью. Из немногочисленных подъездов высыпали однотипные старушки, потеснив молодежь с утлых лавочек. После медикаментозной зимы, они еще дезориентированы, разрознены и слабы, но уже скоро, они наберут силу и превратятся в организованное бандформирование. Я сунул руку в карман, пытаясь нашарить ключи, когда в меня чуть не влетел сорванец на ярком самокате. – Костя! – окликнул меня знакомый голос. Из едва подернутых, первой зеленью кустов, мне махала пухлая пятерня Вовки Бочкина. Фамилия вла-

дельца пятерни, правда, звучала как Бочкарев, но дружба с пятого класса не оставляла шанса для сокрытия погонялы и ряда пикантных подробностей.

– Оп! А что это мы тут делаем? – удивился я, глядя на банку с пенным напитком. У Вовки был любопытный фетиш переливать пиво в трехлитровую банку, а магазинную, вредительски вяленную рыбу, он потрошил и досушивал на балконе. – Вообще-то пятница у прекрасного пола. Имеем право размягнуть свои черствые, мужские сердца. Я пожал протянутую мне руку с прилипшей чешуйкой. – Смотри, вон, чешуя с тебя уже отваливается! Припять-кабан! – Так линяет он! Весна же! – Андрей, до сих пор стоявший ко мне спиной повернулся, и мы удаю хлопнули друг друга по плечу. В свое время, мы с ним устроились на новое предприятие и получили не плохую, относительно здешних мест работу, а Володька предпочел остаться в автосервисе. – У-у-у! А глазки то у нас заблестели! Я улыбнулся, глядя на осоловелое лицо Андрея. – Пустое. Я патриот! Не могу сдерживать слез радости, видя свою Родину, во всем ее цветущем величии! – процедил он сквозь зубы, отдирая полоску со спины воблы.

Володя ногтем подцепил пластиковый стакан, и, опрокинув банку, наполнил его золотом пшеничных полей Бобруйского пивоваренного завода. Я аккуратно, будто младенца с рук матери, принял мягкотелую емкость. Но прежде чем отпить, повесил свой пакет на гвоздь, загнутый под высокой столешницей.

– Что у вас слышно? – спросил Андрей, не дожидаясь, когда я оторвусь от прозрачной кромки.

– Слышим не больше других. Я вытер губу от налипшей пены.

– Сейчас за все кошмарить начнут, лишь бы три оклада не платить. Двоих уже причесали. Одного за кружку в тумбочке, другого за звонок в рабочее время. Репрессии, если совсем просто. К слову, Вовкин консерватизм, в рамках сменяемых мест трудоустройства, не мешал ему отпускать глупые шуточки по поводу нашей заработной платы, которая, на тот момент, была на треть выше. И сейчас мы ждали, вобьет ли он свое «А я говорил!», воспользовавшись изменившейся на производстве ситуацией. Но он разумно предпочел оставить этот вопрос без комментариев, сгущая брови над стаканом.

– Скоро, свою есть будем. – мечтательно произнес он, рассматривая серебристую рыбину. Я ничего не ответил, так как был поглощен собственными думами.

– А я, в том году, так и не выбрался, – пробасил Андрей.

– Лентяй, потому что! Володя отер жирные руки и снова наполнил свой бокал. Андрей не стал беречь Вовкины раны, вызванные семейным вакуумом, тем не менее, позволяющим уделять больше времени, разного рода, творческим аспектам, а я почувствовал, что солнце стало светить приятнее, а в ногах появилась легкость. Захотелось дискутировать.

– Какая теперь рыбалка?! – Андрей похлопал себя по карманам, отыскивая сигареты.

– Татьяна тебе задаст! – Невпопад ляпнул Бочкин.

– Да причем тут Татьяна? – Как она, кстати, – поинтересовался я.

Андрей махнул рукой, выпуская облако дыма, – тоже сокращения. Нервничает. – Андрюша, домой! – тем временем раздалось из окон напротив.

Андрюха предупредительно посмотрел на Вову. Я в три глотка допил пиво и слил остатки из банки себе и Эндрю.

Вскоре, на столе образовалась еще одна.

Вовка кивнул в сторону подъезда: – Твоя пошла. Я обернулся и увидел только исчезающий в темноте плащ. Дождавшись, когда на кухне загорится свет, я позвонил и сообщил свое местоположение.

– Вот она горькая жизнь подкаблучника!

– Да! – сказал я, убирая телефон и разглядывая недоумение, вызванное внезапным согласием. – Полголовы поседело, а ума так и нет. – Мой ум, вон весь где! – Бочкин погладил свой выдающийся живот.

– И шутки у тебя дурацкие! – зарядил с другого края Андрей. Вовка развелся больше десяти лет назад, прожив в браке четыре года и настругав дочь. Обе давно переехали в другой город, лишь изредка радуя короткими телефонными разговорами. С женщинами ему не везло. Но вызвано это не сложным и тяжелым характером, а совсем на оборот. И сейчас, под теплотой накатившей волны, мне казалось, что вот, стоим мы все вместе, рядом, а точки зрения у нас абсолют-

но разные. Вова видит дом, в котором зажигаются разными оттенками окна, где за каждой шторой идет своим чередом жизнь какой-то семьи, где друг друга ждут. Я смотрю на иссеченный черными деревьями, далекий багряный закат, радующий своей безмятежностью какого-нибудь рыбака. А Андрей, видит старых, во всех смыслах, друзей, с которыми все реже стал встречаться. Пацаненок, тем временем, извивался в доводах, что уроки он сделает завтра и погуляет еще.

По этому, мы, немного посмеявшись, втянулись в пустую болтовню, плавно скатывающуюся к воспоминаниям.

А вспомнить нам было что...

Ведь, помимо дней рождения, рыбалок, работы и пятничных попок, нас роднила одна общая тема – зона. Чуть более десяти лет назад, мы закопали свое оружие, в последний раз взглянув на серую грунтовку, ведущую в такое разное для всех, волнующее, опасное и бесконечно чарующее место. Десять лет назад, мы были теми, кого называют сталкерами. Не сказать, что из нас вышел отряд страшных охотников-головорезов, действительность вообще отличается от общего представления, но за несколько лет промысла, нам удавалось отделяться только порциями адреналина и рваными комбинезонами. Да, там постреливают. Бывает, что и в людей, но, в основном, это достаточно рутинная работа. В основном... А в остальном, это многокилометровые маршброски, постоянное напряжение от близкой опасности, внезапные нападения хищников и разномастных мутировавших

тварей, мигрирующие на провешанной тропе аномалии и встречи с лихими личностями. Азарт, кураж, романтика – все это здорово, если бы не статистика смертности. Гибнет в основном неопытная молодежь, и те, кто не дожидаются схода снега, пытаются урвать первые куски.

– А снег в лесу сошел, – сказал Вован, доставая вязанную шапку из своей потертой сумки. Из нас троих, он был единственным обладателем собаки, ружья и свободного времени всем этим заниматься.

– Ты, что ли в зону собрался, Отец? – спросил Андрей, слегка хмельным голосом.

– Не, – протянул Вовка, вновь наполняя банку. – Я под колючку не пролезу. Он смял пластиковые бутылки и каким-то образом, обменял их в своей сумке на пачку сухариков. – И Лайму мне деть некуда. Совсем старуха стала. Его доводы перебил звонок от Гали. – Да, скоро расходимся. Хорошо, давай.

– Все, началось? – Же не манж па си жур! – вместо ответа произнес я, и загреб солидную горсть сухарей. – Половина девятого. С чего тут начинать? Надо было только домой заскочить, перекусить.

Андрей, разгрызая фисташку, наблюдал, как Вовкина лапа, вновь скрылась в сумке, и передо мной появилась банка тушенки. Оную, Андрей сразу же взял в оборот, достав раскладной нож.

– Открывашка есть, дикари! – буркнул Вовка, не глядя доставая три стаканчика. Пацаненка, тем временем, загнали домой. Я потер нос рукавом и уставился на Бочкарева. – Деньги на ветер, – патетически пояснил он, ставя на стол бутылку водки.

– Можно подумать, что пиво с водкой, это надежные инвестиции, успех и процветание. – Перцовая! Это прозвучало как великая истина, когда пухлый Вовкин перст, указал в уже темное небо.

– То есть, мы уже тренируемся? – спросил я, после того, как достал изо рта, кусок лаврового листа. Андрей крякнул и облизнул жирное от тушенки лезвие. – Мысль имеет право на жизнь. Бочкарев же деловито сопел, занюхивая прозрачное рыбьим хвостом. – Да вы что, старые, умом повредились? Один на таблетках, у второго одышка. – Клан «пенсииеры», – Андрей улыбнулся, сдвигая горсть шелухи на край стола. – Ну а что, раньше-то ходили! – Раньше за тобой не оставался след от песка. Я у окулиста сегодня был! Смотри, оптику какую выдали. Я положил на стол новенький очечник. Все это хорошо сейчас, за этим столом, а не когда тебе спину скрутит от холодной земли. Вовка молча разлил по второй и закупорил сосуд. – Да теперь далеко ходить и не надо, – он стаканчиком указал в сторону периметра, от чего жест выглядел как тост. – Чокнулись! – сказал я, сдвигая стаканчики.

– Ходить далеко не надо, это да! А вот от чернобыльца на

дерево запрыгнуть, это был бы номер! Да, Вова? Бочкин надул сальную губу. – Ладно, хорошо с вами, но пора и убыть. Андрей тоже посмотрел на часы. Володька махнул на меня рукой, и не найдя локтем точки опоры, едва не потерял равновесие.

Моя, разящая табаком и алкогольным амбре физиономия, резко контрастировала с спокойствием убранной квартиры, а тело, неохотно вписывалось в дверной проем.

Галя выглянула из зала с бокалом вина.

– Пьяница мать – горе в семье! – сказал я, снимая ботинки.

– Если ты считаешь, что лучшая защита, это нападение, то советую сразу капитулировать. Иначе, не получишь то, что прячется в духовке!

– А где Антон? – заметил я отсутствие его куртки.

Решили с ним, что он отправится к бабушке. Или ты собирался взять его завтра на кладбище? – Да! Я утащу вас всех в могилу! Я протянул растопыренные мокрые руки, не успев обтереть их полотенцем. Мы плюхнулись на диван с маленькими подушками. По телеку шла очередная бабская мелодрань. – Лапы прочь, нечисть! Как посидели? – спросила она, отставляя подальше бокал.

– Молодежь опять за старое взялась. – Какая молодежь? В смысле? Ее глаза округлились. – Кость, вы с ума сошли?

– Я им тоже самое сказал. Слово в слово.

– Не вздумайте! Она толкнула меня в плечо и снова взяла бокал. Сделав глоток из ее бокала, в котором оказался смородиновый компот, я лег поудобнее, и попытался вникнуть в происходящее на экране.

2

Кривая балка. Пожалуй, самое опасное место на нашем маршруте. Ни один нормальный человек, в здравом уме, не сунется в этот мрачный гадюшник, с невыносимой плотностью аномалий, а мы идем здесь уже второй раз.

Артефактов тут, к слову, нет. Совсем. Этот факт послужил поводом, поднять на смех весь бар, когда Андрюша, во хмелю, растопырил пальцы, на предмет сквозного прохода через балку. Секрет легенды, о светящемся по ночам от обилия артефактов овраге, едва не исчез в тот вечер вместе с нами.

Нас ведет Вовка. Не могу сказать, что он лучший проводник, с другими мне ходить не доводилось, но факты говорят сами за себя.

Иногда мне кажется, что этот коренастый мужичок, с угреватым лицом, продал душу дьяволу, ну или черному сталкеру.

Он практически кожей чувствует изменения в пространстве.

На самом деле, он просто заядлый охотник, как и его отец, и потому, прекрасно ориентируется в лесу. Но не так страшна балка, как выход из нее. Ощущение радости от миновавшей опасности заставляет расслабиться. Такая потеря бди-

тельности угробит вернее кровососа в подвалах элеватора.

На выходе будет высохшее болото, на котором удобно перевести дух, прежде чем двигаться дальше. Но это потом. А сейчас, невероятное напряжение и наэлектризованные волосы от близости мясорубки.

Час двадцать вдоль оврага, против шести, по затопленным весенней Припятью рощам. Мы успеем встретиться с Два пальца и его отмычками, в один заход попасть в смену караула, и сдать контейнеры.

Одно плохо – слишком хорошо. Так хорошо, что начинает подташнивать от волнения и рябящего воздуха.

Володя снимает с пояса одну из гаек, с привязанным бинтом. Значит волнуется. А волнуется он, когда чувствует, но не видит. Из-за сплошных стен гравитационных искажений и напряженности электрического поля, сложно что-то почувствовать, по этому, гайки летят одна, за одной.

По этой же причине, здесь нет зверья. Даже птицы облетают это место. Лишь четыре фигуры, медленно ступают по незримому лезвию, среди всполохов, вспышек, гудения и треска нависающих деревьев.

Я иду следом за Володей. В трех метрах, за спиной, с Володиным рюкзаком, идет Андрей. Замыкает Семен. Он наименее опытный из нас, хотя, они с Вовкой одного возраста. Мы решили не пользоваться отмычками, и по этому, Володя периодически меняет нас местами и натаскивает чувствовать тропу.

Пахнуло дохлятиной. Вряд ли это крупное животное. Скорее, незадачливый еж угодил в ловушку.

– Пойдите, – Андрей трясет берцем, демонстрируя развязавшийся шнурок.

Семен зачем-то догоняет его, и, обойдя, поднимает сползший рюкзак ведущего. А ведь говорили тебе, ни шагу с тропы! Володя раздувает щеки и выпускает воздух. Его боковое зрение заставляет выбросить вверх сжатый кулак. Мы покорно замираем, пытаюсь понять, чем вызвано такое беспокойство. Ведущий опускает руку и несколько раз сжимает пальцы, будто в его кулаке тонометрическая груша. Этот жест вызывает недоумение, но вместе с тем, мы передвигаем селекторы огня. Это означает, что впереди кабаны.

Их немного, и они слишком далеко, чтобы представлять угрозу. Скорее всего, их загнал сюда другой хищник, и если не привлекать внимание, то они просто пройдут мимо. Если...

Володя дожидается, пока черные бока не скроются в подлеске и движение продолжается. Когда мы пересечем то место, где видели их, то они должны быть уже далеко.

– Мужики! – раздаётся позади голос Семена. Он стоит на том же месте, держась за ногу, а его лицо побледнело от страха. Ничего страшного, просто жадинка прихватила. Относительно безопасная, маленькая аномалия, если мамы нет рядом. Но Семен внезапно падает как подкошенный.

Его крик отражается от крутого вала справа. Теперь и на лице Андрея читается испуг. Он видит, как натягиваясь, рвется шнуровка на ботинке Семена. Его пальцы выдирают из земли черные клочья. Я разворачиваюсь, но жесткий голос ведущего останавливает меня. – Они справятся. Ты нужен мне здесь! Он прав: вдалеке, уже хрустят ветки валежника. Андрей сходу бросает свой рюкзак к ноге покрытой вздутыми жилами и дергает систему быстрого сброса, стаскивая с плеча Семена ляжку, чтобы загрузить гравитационный изъясн. Внутри рюкзаков лопаются емкости с водой и банки. Его подошвы взрывают грунт, когда он пытается оттащить пленника. Семен изо всех сил старается обуздать боль и взять себя в руки. Он стискивает зубы и сдавленно мычит.

Секач, огромный, с измазанными глиной боками, возникает слева, из-под поваленного дерева. Он осматривает нас подслеповатым глазом, басовито похрюкивая. Воздух между нами переливается причудливыми завитками, и мне на мгновение кажется, что все это, гребанный страшный сон.

– Там! – кричу я, разворачивая автомат, но выстрелить мне мешает Вовкина спина. Если бы он догадался лечь, то я бы успел сделать короткую очередь. Но Володя все решил иначе: он подпустил вепря на расстояние эффективного огня и вдавил спуск. Все слилось в одно мгновение: и выстрелы, и удар секача, и крик позади.

Едва увернувшись от страшных клыков, я стреляю в удаляющуюся тушу. Спотыкнувшись, кабан прокатывается по

Андрею, который, к его чести, так и не отпустил руку Семена. Вова ползком пытается дотянуться до ружья, оставляя на земле алый след, а сзади, Семины глаза, и песок, налипший на окровавленный рот. Растревоженная кабаном аномалия начинает издавать низкочастотное бужанье. Я чувствую его под ногами. С каждым ударом, Семена и кабанью тушу, все глубже затягивает в гравиконцентрат, а вместе с ними и Андрея, лихорадочно пытающегося освободиться. Или-или... Я срываю с головы бандану и закрываю Семену лицо, перед тем, как прекращу его мучения.

3

Я проснулся за полчаса до будильника. Этот сон не снился мне уже много лет. Но я знаю причину, по которой снова вижу его. Рассвет, кофе, окна дома напротив, тропинка под балконами, хмурые лица прохожих, проходная, шум механизмов, ругань рабочих. В курилке, я встречаю Андрея.

На нем засаленная, рваная роба, а рядом с каской лежат большие рукавицы.

– Ты чего вырядился? – Сказали помогать подрядчикам, – он затушил сигарету и бросил в обшарпанный бачок. – Татьяна, только комбез постирала. Жалко пачкать. – Долго сидели еще? – Кость, – произнес он, глядя куда-то в пол. – Нам без тебя тяжеловато будет. Я не стал спрашивать, как они пришли к такому выводу. Тут все достаточно просто: подобное подобным. Хочешь свалить от зоны – лезь в зону. И отсутствие выбора в таких вопросах, порой, и есть решение.

– А жены? Мне была крайне интересна позиция Тани, которая держала Андрея на жестком поводке. Да и не в поводке было дело. К какому выводу привела ее мудрость? Никакие блага не оправдают ... К тому же, они были близкими подругами с Галей.

– Наши жены, в пушки заряжены. Все выходные проскандалила. Но обед сегодня собрала.

Я взял его каску и надвинув себе на глаза, приваливаясь

к стене.

Раньше, я бы сказал, что зона, тем и прекрасна, что всегда оставляет выбор, и самое дорогое, скрывается за страхом этого выбора. Кто преодолевает страх, получит награду. Мысли достойные тридцатилетнего пацана, с нашивкой рок группы на рюкзаке. Я тихо улыбнулся.

«Раньше было лучше». Я знаю это свойство памяти, эту ловушку. А горе от ума, это математическое уравнение, и чем меньше в нем неизвестных, тем яснее результат, тем пронзительнее реальность.

Раньше было также, просто мы пробовали много нового, освежая восприятие. Перед всем новым, стоит страх. А страх, это мощная эмоция. Преодоление страха, ведет к плоду усилий и умножает ощущение. Именно это мы ощущаем как сладкое послевкусие минувших событий. Прошлое, – это вкус вина, что подают к воспоминаниям.

Если сейчас я откажусь, то при плохом раскладе, буду корить себя, за какую-нибудь херню, которую, возможно, мог бы предотвратить. А при хорошем...

Каком, к черту, хорошем? Это зона. Все равно, что с дьяволом торговаться. Ох, прекратил бы ты, Константин Викторович, эти свои инсинуации. Так ли много изменилось за эти десять-пятнадцать лет? Даже та рок группа еще выступает.

Но я все еще сомневаюсь. Я могу бороться с собственным страхом, а могу и напороться на то, за что боролся. А уж зоне

в этом вопросе нет равных – только сунь палец. Как говорят водители: «не уверен – не обгоняй!» А ведь я уже все решил. Просто пытаюсь продумать дальнейшие шаги, успокоить себя иллюзией контроля. Иллюзией выбора...

– Через неделю майские. Удачно попадем. Андрей забарабанил пальцами по большой деревянной скамье, обдумывая мою мысль. Его взгляд заскользил по полу, и он, едва заметно кивнул.

Раньше мы все работали в одной шиномонтажке. Сразу после весеннего наплыва, брали отпуск и залезали на неделю, ни о чем не думая. В конце лета, хозяин мастерской, давал нам еще неделю. Он и сам был сталкером. Собственно, с него все и началось. Потом, мы ушли на завод, а Вовка остался. Теперь, приходится считаться с производственным календарем.

Я смотрел на серые стены курилки, которые видел тысячу раз, и размышлял о синицах и журавлях.

В зону мы могли попасть двумя путями: первый предполагал заключение договора с государственной организацией, на поставку образцов с «карантинки». Здесь вам выдавалось оружие, естественно, при наличии ряда условий, научный инвентарь, если таковой обуславливался спецификой задачи, методичка, и, конечно же, пропуск.

Для опытного сталкера, минус был очевиден: ваши личные данные сливались третьим лицам, со всеми вытекающими. В лучшем случае, у вас, на выходе, отберут оружие и

снарягу, за которые, придется платить штраф. А в худшем – жизнь. При наличии выполненного задания, со следами вашей крови на нем, договор будет закрыт, а оплата пойдет в погашение издержек. При отсутствии, вашими близкими займутся коллекторские агентства, и выдавший виды «калаш», будет стоить как новый.

Ну а второй – старое, доброе, не законное проникновение. Но с учетом высоты заградительных сооружений, плотности артиллерийских систем, малым радиусом рейда, и необходимостью возврата этой же дорогой, в угоду комфорта, данный вариант был отклонен. К тому же, после расширения зоны, закопанное когда-то, в километре от периметра оружие, теперь было попросту не достигаемым.

Неделя прошла за сбором справок, молчанием Гали, и подгонкой снаряжения. С учетом того, что первое мая выпало на субботу, а ночь перед выходом славится бессонницей, я, будучи глубоко убежденным в необходимости такой меры, выпил полстакана водки и отправился спать.

Утром, Вова благоразумно известил о своем приближении. Одним глотком допив чай, я ополоснул бокал, и, обернувшись, увидел в проходе жену. Она хмуро погладила щеку и обвила руками мою шею. – Будьте осторожнее. Люблю тебя! Я зашнуровал ботинки и открыл дверь.

На улице, несмотря на ранний час, уже было тепло. От соседнего подъезда, в мою сторону направился человек, оде-

тый, как и я. Мы поздоровались, поставили рюкзаки и Андрей принялся тормошить пачку сигарет.

– Курение вызывает Вову. Подожди, вместе покурим. В этом плане, я был прав, как и в случае с водкой перед сном, имея ввиду, отечное лицо Эндрюса, и звук приближающегося автомобиля. Вова развернулся у торца дома и грузно выбравшись, закинул водительское сидение. От белой машины пахло пылью, гаражом и бензином. Чрезмерно утеплившись, Володька снял куртку, и, скомкав, запихал за кресло.

– Зорова, Бочкин! Опять у бати ключи стащил? – Сейчас пешком пойдете. Он закурил сигарету и бросил пачку на торпедо. – У меня фляга течет, – посетовал Андрей, – сколько до открытия? – Первое мая. Там дежурный сегодня. Поехали.

Не поленившись выбросить окурки в мусорные баки, мы уселись в погрызанные Лаймой кресла. Отмерив полтора метра ремня безопасности, Володя повернул ключ зажигания. Покинув двор с разбитым асфальтом, машина выскочила на проспект. Как водится, к празднику, дорожные службы обновили разметку, а на столбах появились чаши с цветами. Все готовились веселиться. Мы же, свернули на улицу, с пирамидальными тополями, а затем, в переулок у кинотеатра. – Где собаку оставил? – спросил Андрей. – Сдохла позавчера, – тихо сказал Вова. – К реке отвез, в парке. – С какого она у тебя? – спросил Андрей, загибая пальцы. – Двенадцать? – Тринадцать с половиной. – Да, авторитетная пенсионерка. Машина остановилась у входа с надписью «Меркатор».

Это было нужное нам учреждение, по совместительству, являвшееся магазином спорттоваров. В тени двора, оказалось ощутимо прохладнее. Дверь нам открыл мужик в фиолетовой футболке. На его лице просияла улыбка, присущая человеку, работающему в праздник. Осмотрев нашу одежду, он молча отошел в сторону, впуская нас внутрь. Закрыв дверь и бряцнув ключами, он перегнулся через стойку и проверил работу камеры видеонаблюдения. Достав из файла нужный бланк, он вставил его в зажим планшета и с пульта открыл соседнюю дверь. В узкой, длинной комнате, нас ждали витрины со снаряжением. Поочередно открыв ключом каждую дверцу, продавец отошел, давая нам возможность определиться с выбором.

Вова с Андреем сразу взяли по карабину и принялись осматривать механизмы. Моя ниша в группе, отвечала за среднюю дистанцию, и по этой традиции, я взял автомат. Проверив затвор и оптику, я перешел к витрине с пистолетами. Весь представленный ассортимент имел потертости и прочие признаки нещадной эксплуатации. Продавец, тем временем, размашистым почерком, заносил в таблицу бланка наши предпочтения.

– Определились? – Да! – ответил Андрей. – Замечания? – спросил мужик, сделав безучастное лицо. – Трещина на прикладе. Продавец сделал запись в соответствующей колонке. – У меня потертости! – Вова продемонстрировал ствол, но мужик только махнул рукой. – С зарплаты вычтут! – сказал я,

улыбаясь, но попросил, таки, вписать замечание.

Патроны возврату не подлежали. По этому, мы вдумчиво и по-хозяйски отнеслись к их количеству. Все, кроме Вовы, который, как говорится, «со своим».

– Что-нибудь еще? – спросил мужик, закончив отсчитывать боеприпасы.

– Контейнеры. – И флягу! – добавил Андрей. Контейнеры, выложенные на стекло витрины, радикально отличались от тех, что были у нас раньше. В отличии от громоздкого ящика или тубуса, это был пояс со слотами. Такое решение позволяло индивидуально подогнать набор модулей под конкретную задачу. Собираешься подбирать весь хлам – бери пять-шесть боксов. Умелый охотник – три. Подберешь что-то, только если оно попало на пути из точки «А» в точку «Б», то возьми один облегченный, а остальное место забей подсумками.

Свинцовыми контейнерами пользовались только те, кто промышлял в самом сердце – в десятикилометровой зоне. Там, местами, еще держался уверенный фон, который артефакты, охотно впитывают и делятся с носителем. Нам же такое удовольствие было ни к чему. По этому, мы взяли по три углепластиковых контейнера и усиленный тубус, в придачу к которому, шли телескопические щипцы.

– Что с отпугивателями? – поинтересовался я, разглядывая чучело кабана. – Почти все разобрали, – ответил продавец, открывая витрину. Осталась вот такая моделька. Хоро-

ший прибор, рабочий, просто все новыми сейчас пользуются. – Это, который в аномалию кидать? – влез Вова. – Да, зонд забросите... Там инструкция есть. – А охранные системы? – Вон, рядом, – рутинно вздохнул продавец, оценивая нашу компетентность.

Поскольку у Андрея уже висел кредит, а Володе бы его просто не дали, в верхнюю строчку были вписаны мои паспортные данные. Так как сумма залога оказалась просто конской, то прежде чем ставить подпись, мы, сперва, спустились в подвал, где можно было проверить свой арсенал. Да и переходить запретку с непроверенным оружием – удовольствие на любителя.

Сверив серийные номера и проверив правильность заполнения, я расписался в договоре о семи листах, после чего, продавец отштамповал каждый, и, отдав мне мою копию, спрятал все в сейф.

Через пять минут, на столе оказались три пропуска, а с моего счета списались комиссионные за первый день. Сердце екнуло.

На шоссе показался, облепленный выцветшими венками, дорожный знак с названием населенного пункта. Володя свернул на лесную, пыльную дорогу и машина понесла нас в сторону КПП, о чем свидетельствовали предупреждающие плакаты. Из открытого окна, сразу густо запахло хвоей. Вскоре, среди деревьев, замелькали отдельные строения. Периметр. Здесь несет дежурство мозырьский пограничный отряд. Уже отсюда была видна серая стена, с площадками для гранатометных расчетов. Ширина полосы отчуждения, достигала здесь двух километров. Два километра перепаханного поля и выжженной земли, по которой, неустанно рыщет инфракрасное око автоматической системы снайперского огня. Володя остановил машину на пяточке, перед серым, кирпичным зданием. Ботинки вдавили сосновые иголки в лесной песок.

– Покурим? – предложил Вова, доставая из-за сидений свою куртку. Мы молча курили, осматривая аскетичные строения пропускного пункта. Андрей докурил первым и нажал кнопку звонка под красной табличкой с надписью «Прудок» Мозырьский пограничный отряд. В/ч 1257. Через минуту, у ворот показался здоровенный военнослужащий, с автоматом за спиной. Я протянул через решетку пропуска и три паспорта, демонстрируя сходство своей физиономии с

той, что была в документе. Представитель вооруженных сил смерил нас взглядом, и, на удивление, приятным голосом поинтересовался, есть ли у нас оружие. – В машине, – так же спокойно ответил я. – Пусть пока там лежит. Он зашел в караульное помещение, и, глядя из высокого окна, приоткрыл ворота. Мы шагнули на чисто выметенную территорию с белыми бордюрами. Тот же солдат, встретил нас у ступеней, и велел следовать за ним. Пройдя вдоль стоянки личного автотранспорта, мы уперлись в здание комендатуры, с табличкой «Прудок».

После темного коридора с протертым линолеумом, мы попали в комнату с небольшим столом в центре, и его хозяином при погонах капитана.

Краснощекий офицер с обветренным лицом, не обращая на нас внимания, печатал что-то на стареньком компьютере. Затем, он снял белую трубку телефонного аппарата и сухо потребовал: – Бельченко ко мне. Одновременно с этим, он взял наши документы, и, развернувшись в кресле, достал черную папку. Из нее он выудил три листа и бросил на стол перед нами: – Изучайте. Сам же продолжил набирать текст, долбя по клавишам двумя пальцами. Я достал из кармана очки и подошел к окну. ...запрещается...запретной полосы...не выполнение приказов... Текст, набранный мелкими буквами, по большей части увещевал, что не следует делать в зоне карантина и как себя следует вести при встрече с патрулем...иначе, огонь на поражение...имеет право открыть

огонь на поражение... Из загудевшего, внезапно, принтера, вылезло несколько белых листов, а в дверь, с потертой ручкой, постучали: – Разрешите, тащ капитан. – Под текстом, от руки, «ознакомлен». Число, подпись. И протянул шариковую ручку. – Сейчас оформляете этих, – в меня уперся палец, – сверяете номера и к барьеру. Да, и в журнале пусть распишутся. – Как сейчас у гнилого ручья? – спросил вдруг Вова, рассматривающий карту, пока я вникал в документ. По тому, как натянулась кожа на подбородке капитана, стало понятно, что он раскусил дешевую дезу Володи. Первое, ноль пятое... Бельченко забрал бумаги, и мы снова очутились в темном коридоре. В соседней комнате с нас собрали немного денег, взамен которых, выдали сигнальную ракетницу, для возврата через запретку, и персональные индикаторы загрязнения длительного действия, со страшной аббревиатурой. Где-то, за перекрытием, что-то громко крякнуло и укнуло, от чего, все, включая Бельченко, вздрогнули. – Пугач, – пояснил высокий сержант, – дешевле напугать, чем тратить патрон. Ну и как предупреждение перед выстрелом. Имейте ввиду. Следующие десять минут ушло на сверку серийных номеров.

Автоматы военнослужащих, тихонько переместились из-за спин в руки, пока мы надевали рюкзаки и заряжались. – Оружие держать за ремень, и за мной, – скомандовал похолодевшим голосом сержант, когда Володя закрыл багажник. В этот момент, пугач снова громко крякнул, вновь заставив

нас испугаться, а через несколько секунд, из-за стены раздался раскат выстрела.

– Ну вот, вас уже ждут! – усмехнулся Бельченко.

Свернув на этот раз направо, мы вошли под свод стены, с раздвижными воротами. Сержант исчез за железной дверью и появился, спустя минуту, с журналом в руках. – У вас двадцать минут, чтобы дойти до зеленой отметки. Расписывайтесь. Стоило Андрею отдать талмуд, как четырехметровые ворота приоткрылись на ширину моих плеч. – Не то удовольствие, – прокомментировал Андрюха, когда ворота за нами закрылись. Я взглянул на часы. – Под колючкой лезть – совсем другие ощущения! – Согласен, – сказал Вова, изучая открывшуюся панораму, – не успели перелезть, а нас уже обобрали. – Военные – такие военные, – добавил я. А знаете, мне даже понравилось! Такая забота, еще и салют дали! Кстати, – я поднял палец вверх и сунул руку в нагрудный карман, – с этой штуки, предполагается пленку снять. Мы достали индикаторы, напоминавшие армейские жетоны и сняли защитные наклейки, служившие еще и эталоном цветов предельной концентрации разной дряни. – Да, – сказал я, надевая на шею колдунский амулет, – а раньше могли прямо у ворот пристрелить за хабар. – Лихое времечко было, – согласился Андрей. И это было так.

Десять-пятнадцать лет назад, через точно такие же ворота, текли серьезные финансовые потоки. Вояки безбожно доили бродяг, правда, в основном, это были беззубые одиноч-

ки и прочая мелочь. А вот с кланами уже приходилось считаться, вплоть до разжалования. Да, бывало и такое. У обеих сторон имелись свои связи, как в высоких кабинетах, так и в глубоких подвалах. Но чаще, со стороны зоны прилетала пуля, и кресло занимала фигура, понимающая тонкости взаимовыгодного равновесия. Стальным кулаком зоны, по праву считался «Долг» – полувоенная группировка, с присягой, уставом и лютой муштрой. Попастъ туда было проблематично, и кое-кого в стройные ряды не принимали. Никто не собирался выступать вглубь, с необстрелянным шалашом, или доверять участие в серьезной задаче засаленному баклану. Но, для протокола, кое-кто, туда особо и не рвался. Красную нашивку получали люди с определенным темпераментом и соответствующим складом ума, а точнее сказать – мировоззрением.

Из плюсов, здесь были: постоянное жалование, казенное оружие и боеприпасы. А бонусом, возможность подтянуть физическую подготовку, и, не побоюсь этого слова, здоровье, в виду постоянных тренировок и тотального запрета на алкоголь. Ну и чувство безопасности. Очень, надо сказать, вредное.

Из минусов: полное отсутствие своеволия и постоянная муштра, включая дисциплинарные взыскания, доходящие, в особо тяжких случаях, до расстрела.

На самом деле, долговская дробильня, имела к армии такое же отношение, как и «Свобода», которая была диа-

метральной противоположностью красных комбинезонов. В этих рядах процветала матушка анархия, чье черное знамя, периодически приподнималось под пьяное гиканье и прокатывалось по окрестностям чередой грабежей и изуверств, похлеще, чем от местной маргинальной составляющей. За что, частенько, бывали биты, либо болтались на древе правосудия, перед корпусами завода «Росток».

Группировка существовала только за счет круговорота артефакт-водка или трава-патроны, в разных сочетаниях. А еще, поговаривали, что дурь с местных теплиц, шла, чуть ли не лучше, чем аномальные порождения.

Обитатели армейских складов, вообще славились моральными устоями и смертностью среди коллег по цеху, благодаря которой, весь состав группировки, мог полностью смениться уже к середине сезона.

Среди профсоюзов, выделялись еще наемники. Но кланом их назвать не позволяло отсутствие постоянной локации и состава. Даже если в баре одновременно появлялось два новых, хорошо экипированных лица, то сидеть за одной лавкой, они нужным не считали. Да и с чего бы? Как правило, все они были с разных краев, а уже утром, могли увидеть друг друга через прицел. Были еще и полумифические монолитовцы, но они исчезли также быстро, как и появились. Потому что, власть-властью, а радиация – штука вредная.

Но зона, вскоре, несколько раз расширилась, а вместе с этим, поменялся и климат. И вечная осень, однажды, разро-

дилась зимой. А так как большинство аномалий, с артефактами в придачу, под снегом не видны, то многие лавочки, нет-нет, да закрылись. А вместе с ними, ушла целая эпоха.

Но это было тогда, а сейчас, Вова стойчески пыхтел, поглядывая на часы. Когда мой счет в уме приблизился к тысяче восьмистам шагам, впереди появился ярко-салатовый столб и несколько разорванных трупов неопознанных тварей. От вида падали, неприятный холодок на спине только усилился. Столб, с обратной стороны, ожидаемо был красным и имел предупреждающие надписи на нескольких языках.

– Ну что, товарищи, мы снова сталкеры! – умудренным голосом произнес Андрей. – Девять ноль пять, – посмотрел на часы Вова. – Мы в графике. – Поздравляю, – я поправил лямки, – только давайте подальше отойдем. Что, как ощущения? – спросил я, загребая дорожную пыль и проводя пальцами по щеке. Андрей, увидев сие действие, незаметно плюнул себе на ботинок. Ритуалы входа в зону, здесь блюли и стар и млад. У каждого они были свои, а некоторые хранили их в секрете. Например, что делал Вова, нам до сих пор доподлинно неизвестно.

– Нормальные ощущения, – пожал плечами Андрей. – Печет не слабо уже. – Да я про Вову. – Я понял жизнь... – беззлобно ответил Володя, щурясь от солнца. – Да, ты старый мародер. – Это точно. По этому, давайте потихоньку в колонну. Андрюха, ты по сторонам смотри. А ты, Кость, меня проверяй.

Вовы был прав – вход в зону всегда очень опасен. Ранний подъем, путь, полоса колючки, это всегда стресс. К тому же, мозг не успевает переключиться в другой режим. Ведь все вокруг, тоже самое: трава, деревья, солнце, кости...

– Вон, впереди, лесок темнеет, за ним поле с оврагами. Если спутник нам не врет. У капитана, на карте, то же самое, вроде. Предлагаю там перекусить, а дальше по обстоятель-

ствам. Мы вытянулись вдоль обочины и направились на юго-восток, обдуваемые теплым ветром, под весеннее чириканье. Через сорок минут, Вова махнул рукой и указал на другую сторону дороги. – Вон она, красавица! Первые аномалии не заставили себя ждать. Волнующийся воздух был виден еще издалека. Эта, как газонокосилка разодрала вокруг себя всю траву, и поэтому гнездилась в соломенном круге.

– Карусель! – предупредил Володя, любуясь смертоносными переливами. Самой страшной считалась изнанка. С ее наличием приходилось только мириться. Стараться не думать об этом, и все. Ее не брал ни один детектор, не чуял ни один зверь. Она вообще не выдавала себя, никоим образом. Смерть от нее была практически мгновенной и напоминала противоположность гравиконцентраторов. Единственным, маломальским признаком этой аномалии, были неверно отбрасываемые тени. Но вы представляете себе, что такое, заметить преломление тени от травы в траве? Хорошо, если это одинокий предмет, на ровной поверхности. И слава великому графитовому стержню, что никому из нас, не доводилось иметь дело с этим тихим ужасом. Среди аборигенов бытовало мнение, что это проклятье черного сталкера, кара самой зоны. Но тут есть одна нестыковочка: подобными функциями были наделены еще и химеры, но во многом, именно благодаря изнанке, этого хищника можно было увидеть хотя бы в виде останков. Спрашивается, какой смысл зоне, стравливать свои же порождения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.